

Сегодня похолодало, и погода окончательно испортилась. Небо затянуло серостью, отчего свет потолочных ламп казался неестественно ярким, почти слепящим, а клетчатый узор на коричневом ковре раздражал зрение сильнее обычного.

Помимо этого, Су Фэнчжоу ловил на себе слишком настойчивый взгляд с их свадебной фотографии на стене. На снимке Чэн Сю смотрел прямо перед собой, и в этом застывшем взгляде было нечто такое, отчего у Фэнчжоу невольно зудела кожа на затылке.

Впрочем, живой Чэн Сю выглядел куда человечнее. Он смотрел мягко и едва заметно улыбался, а сам он непринужденно привалился к краю стола. Казалось, они просто болтают о пустяках.

Собственно, так оно и было — Фэнчжоу сам завел разговор, но стоило очереди дойти до его ответа, как атмосфера в комнате неуловимо изменилась.

Он и сам не мог бы объяснить, в чём именно дело, но те слова, что ещё мгновение назад были на кончике языка, вдруг словно застряли в горле. Он приоткрыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова.

Когда Фэнчжоу нервничал, он начинал тереть пальцы — с силой, раз за разом, будто только так мог унять внутреннее напряжение. Об этой его привычке не знал никто, кроме самых близких, даже менеджер Ду Фэн оставался в неведении.

Чэн Сю перевел взгляд с его лица на суетливые пальцы и спустя долгую паузу произнес:

— Куда бы я тебя ни определил, ты всё равно не переплунешь Да Хуана.

Эта шутка мгновенно развеяла неловкость.

Су Фэнчжоу глубоко вздохнул и подхватил:

— Понятно. Да Хуан у нас родная кровиночка, а я так — прибившийся.

— Ошибаешься, — возразил Чэн Сю.

— А?

— Ты — подкидыш.

—...

Видимо, аромат ребрышек оказался слишком соблазнительным: Да Хуан, который до этого увлеченно «смотрел» сериал, в три прыжка спустился по лестнице. Он подбежал к Чэн Сю и принялся тереться головой о его ногу, глядя снизу вверх с такой преданностью, какой не добьешься и от влюбленной женщины.

В этом взгляде Да Хуана было столько «весенней истомы», что Су Фэнчжоу почувствовал, будто его насильно накормили тонной отборного «собачьего корма». Он вздрогнул и не сдержал невольного: «Твою ж мать...». Все те нежные чувства, что только-только начали копошиться в его душе, были безжалостно растоптаны этой псиной.

Чэн Сю присел и потрепал пса по голове:

— Только один кусочек.

Да Хуан в ответ ласково притерся еще сильнее и тихонько гавкнул.

Уровень этого кокетства заставил бы Су Фэнчжоу нервно курить в сторонке.

— Да Хуан, — ахнул Фэнчжоу, — иди ты в шоу-бизнес, титул «Киноимператора» тебе обеспечен!

Услышав это, «Иньди» Да Хуан лишь сощурился и недовольно зыркнул на него, явно не желая, чтобы кто-то прерывал его бенефис.

Су Фэнчжоу поджал губы, дернул плечом и в пару шагов оказался у обеденного стола. Наклонившись, он ухватил пальцами ребро, отправил его в рот и демонстративно причмокнул перед носом у пса:

— Вкуснотища! Божественно!

Чтобы посильнее задеть Да Хуана, он даже не стал брать палочки, а вцепился в еду руками. Ребрышки были в кисло-сладком соусе, и его пальцы мгновенно окрасились в ярко-красный. Недолго думая, Фэнчжоу обошелся без салфеток и просто облизал пальцы.

Человек и собака, наблюдавшие за этой сценой, впали в ступор.

О Да Хуане и говорить нечего — у того шерсть встала дыбом.

А вот выражение лица Чэн Сю было куда интереснее. Положив руку на спину пса, он не отрываясь смотрел на Су Фэнчжоу. Он посмотрел вниз, на влажные губы, между которыми то и дело мелькал кончик розового языка, слизывая соус с кожи. Очистив пальцы, Фэнчжоу облизнул губы по контуру.

Красный соус исчез во рту, и Чэн Сю словно окаменел. Он так и остался сидеть на корточках, не двигаясь, лишь судорожно сглотнул.

— Твою мать, Да Хуан, ты что творишь! — Су Фэнчжоу, который только что увлеченно облизывал пальцы, вдруг закричал от негодования: в рот ему попали две собачьи шерстинки.

Да Хуан, чувствуя за спиной поддержку хозяина, завилял хвостом еще радостнее.

Чэн Сю медленно поднялся, опираясь руками о колени, и бесстрастно произнес:

— Считаю это бесплатной добавкой.

Су Фэнчжоу прикусил губу:

— Я всё понял. Вы двое — истинная любовь, а я — всего лишь досадная случайность.

Да Хуан перестал вилять хвостом, развернулся и махнул передней лапой, словно говоря: «Наконец-то до тебя дошло».

Чэн Сю подлил масла в огонь:

— «Случайность», иди-ка неси тарелки.

— Я буду носить, а ты что?

— А я, — улыбнулся Чэн Сю, — буду укреплять отношения с моей «истинной любовью».

—...

Жизнь явно дала трещину.

Но вскоре Фэнчжоу понял, что это были еще цветочки. Чэн Сю приготовил десяток блюд, но ему позволил есть только жареные томаты с яйцом. Мол, в помидорах витамины, а в яйцах — белок, сплошная польза.

Су Фэнчжоу взбунтовался и потянулся к ребрышкам, но Чэн Сю легонько шлепнул его по руке палочками:

— Раны еще не затянулись, не налегай на жирное.

Фэнчжоу бросил палочки на стол и надулся:

— Если жалко, так не готовил бы!

— Это для Да Хуана, — отрезал Чэн Сю.

—...

Собачье кокетство принесло плоды: вместо обещанного одного ребра пес получил целых четыре. «Киноимператор» Да Хуан вызывающе посмотрел на Су Фэнчжоу.

Униженный собакой Фэнчжоу был на грани нервного срыва. К тому же выяснилось, что Да Хуан — жуткий собственник. Стоило Су подойти к Чэн Сю чуть ближе, как пес начинал нервничать.

Ради эксперимента Фэнчжоу бесцеремонно закинул руку Чэн Сю на плечо, пощекотал его за мочку уха и коснулся кадыка. Он так увлекся противостоянием с псом, что совершенно не заметил, как изменился человек рядом с ним.

Он продолжал валять дурака, дразня собаку.

На третьей по счету провокации Чэн Сю с сухим стуком положил палочки:

— Я сыт.

С этими словами он встал и вышел.

Ушел он как-то слишком поспешно, и Су Фэнчжоу успел увидеть лишь его спину.

За столом воцарилась странная атмосфера: ошарашенный человек и недоумевающий пес. Спустя мгновение Да Хуан, виляя хвостом, бросился вслед за хозяином.

Обедали втроем, а в итоге Су Фэнчжоу остался в гордом одиночестве. Возникло стойкое чувство, что его выставили за дверь.

«Истинная любовь» всегда ходит парами.

«Случайностям» здесь не рады.

Су Фэнчжоу сфотографировал тарелку с томатами и выложил в соцсети.

Подпись: «Мой праздничный обед».

Обычно он редко заглядывал в ленту, но сейчас решил пролистать новости и расстроился еще сильнее. Все хвастались изысканными деликатесами, и только он — сиротливой яичницей.

Друзья детства, пропавшие на несколько дней, и не думали сочувствовать. Напротив — лайки посыпались один за другим.

Сун Янь оставил высокопарный комментарий: «Начать заботиться о здоровье в двадцать пять — это ответственный шаг. Я в тебя верю!»

Су Фэнчжоу как раз искал, на ком сорвать злость. Он застучал пальцами по экрану: «Сун Янь, пошел ты к черту! Куда ты провалился? Я тебе вчера писал, а ты молчишь. У меня до сих пор хранятся твои детские фото, где ты в кровать напрудил, не забыл?»

Ответ от Чжоу Сяна прилетел мгновенно: «Фото в студию! Требуем фото!»

Су Фэнчжоу огрызнулся на всех подряд: «И твои найдутся, не переживай».

Чжоу Сян прислал стикер с мольбой о пощаде.

Ду Фэн, заметив его активность, прислал сообщение:

«Ешь поменьше, а то на съемках рекламы будешь плохо смотреться».

Су Фэнчжоу: «Ой, да знаю я».

Менеджер удивился такой покорности: «Ты ли это? Тебя не подменили?»

Су Фэнчжоу: «У меня есть знак качества».

Следом он отправил селфи.

Ду Фэн: «Что-то лицо у тебя неважное».

После этого сообщения Су Фэнчжоу созвонился с ним по аудиосвязи и в красках расписал, как его третирует тандем из человека и собаки. Рассказ был полон драматизма и перипетий — Фэнчжоу наконец-то в полной мере осознал, что такое человеческая жестокость.

Закончил он на надрывной ноте:

— Мне так тяжело...

Ду Фэн выслушал этот поток стенаний и лаконично резюмировал:

— И как ты докатился до жизни такой? Псине проигрываешь.

Удар под дых. Су Фэнчжоу впал в глубокую депрессию.

Ду Фэн, услышав тишину в трубке, неловко хохотнул:

— Да ладно тебе, не обижайся. Я же просто правду говорю.

— Ты пришел меня добить, да? — прошипел Фэнчжоу.

— Я пришел напомнить про рекламу. А после съемок будет интервью. Ну и... правду сказал заодно.

— Очень кстати.

Повесив трубку, Су Фэнчжоу несколько секунд задумчиво смотрел на остатки обеда. Затем встал и засучил рукава до локтей. Быть нахлебником он не привык — придется отрабатывать еду физическим трудом.

Только он потянулся к тарелке, как его руку накрыла чужая ладонь.

— Не трогай, я сам.

Су Фэнчжоу вздрогнул от неожиданности.

— Ты чего так подкрадываешься?

Чэн Сю убрал его руку:

— Это ты слишком громко болтаешь.

— Болтаю? — Фэнчжоу поджал губы и, выждав секунду, осторожно спросил: — Ты всё слышал?

— Нет, — ответил Чэн Сю.

— Ну и слава богу, — выдохнул Су Фэнчжоу.

Чэн Сю усмехнулся:

— Я слышал только, как кто-то жаловался, что ему не дают ребрышки.

—...

Это же самое начало разговора! Значит, он слышал всё.

Поняв, что его прижали к стенке, Су Фэнчжоу притих. Он тенью следовал за Чэн Сю, помогая по хозяйству, и в этот момент был тише и послушнее Да Хуана.

Спустя какое-то время он спросил:

— А где прислуга?

Чэн Сю открыл кран и, принявшись мыть посуду, ответил:

— Выходной.

— То есть... мы эти пару дней будем дома только вдвоем?

Внезапно Су Фэнчжоу стало как-то... не по себе. Странное чувство.

— Не вдвоем, — возразил Чэн Сю.

— А кто еще?

— Да Хуан.

— Ах, ну да, — хмыкнул Фэнчжоу. — Забыл про твою «истинную любовь».

Чэн Сю, уловив в его голосе неприкрытую ревность, выключил воду. Он коснулся кончика носа Фэнчжоу пальцем в мыльной пене и с улыбкой спросил:

— Ревнуешь?

Су Фэнчжоу не ожидал ни этого жеста, ни такого прямого вопроса. Он замер на мгновение, а

потом выпалил:

— Да. Ревную.

На этот раз дар речи потерял Чэн Сю. Он посмотрел вниз и снова открыл кран. Посуду он больше не мыл — просто смотрел, как с шумом льется вода.

Заметив его реакцию, Су Фэнчжоу прыснул:

— У нас с Да Хуаном была такая идиллия! Если бы не ты, он бы меня ни за что не бросил. Так что, конечно, я ревную.

Чэн Сю посмотрел на него и какое-то время молчал.

— Да Хуану пора пить. Сходи налей ему воды.

— А?

— Ты же у нас «бывшая любовь», — парировал Чэн Сю.

Когда Су Фэнчжоу закончил прислуживать своей «бывшей», он вернулся на кухню, но Чэн Сю там уже не было. Столешница сияла чистотой — в ней можно было увидеть собственное отражение.

Су Фэнчжоу стоял посреди кухни, и вдруг сердце его екнуло. Он вспомнил, как странно и почти потерянно смотрел Чэн Сю. «Неужели он подумал, что я всерьез собираюсь отбивать у него собаку?!»

О таком он точно не помышлял.

<http://bllate.org/book/17526/1697719>